

Литературные известия

№ 5 (227)

Май 2024

Газета Союза писателей XXI века, Холдинговой компании «Вест-Консалтинг» и литературно-творческого объединения МИД России «Отдушина»

Выходит с 2008 года 1 раз в месяц

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Сегодня в
номере:

Атланты литературы

*

Поэзия

*

Интервью

*

Рецензии

*

Они ушли. Они остались

*

Литературный кроссворд

*

Реклама

РЕКЛАМА

**ХОЛДИНГОВАЯ
КОМПАНИЯ
«ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»**

**РАБОТАЕТ
НА РОССИЙСКОМ
РЫНКЕ 21 ГОД**

**МЫ БУДЕМ РАДЫ
ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ
ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ
КНИГУ!**

www.west-consulting.com.ru

К ПОБЕДЕ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ...

(115-Я ГОДОВЩИНА ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА)

«Портрет писателя Чехова А.П.».
Художник Браз О. Э., 1898 г.

Достойное место в истории отечественной литературы занимают святочные и пасхальные рассказы **Антон Павлович Чехов** (1860–1904).

В настоящее время возрождается классический жанр пасхального рассказа, который долгое время пытались замалчивать, скрывать от читателя. Однако глубоко прав оказался в своем пророчестве Н. В. Гоголь, из «Шинели» которого, по известному образному выражению Ф. М. Достоевского, вышла вся русская литература: «Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее — праздник Светлого Воскресения воспризднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!»¹

Светлое Христово Воскресение — сердцевина русской пасхальной словесности, впитавшей главные идеи праздничного мироощущения: спасение человечества, преодоление смерти, пафос утверждения и обновления жизни. В этот свод включаются также единение и духовное сплочение, братство людей как детей общего Отца Небесного. Как писал Гоголь о Пасхе, «день этот есть тот Святой день, в который

празднует святое, небесное свое братство все человечество до единого, не исключив из него человека».

В пасхальной идеологии ведущее место принадлежит идее свободы во Христе, освобождения человека от рабства греха и от ига страха смерти. В послании святого Апостола Павла сказано, что Иисус послан был в мир, «дабы Ему, по благодати Божией, вкусить смерть за всех» (Евр. 2: 9), «и избавить тех, которые от страха смерти через всю жизнь были подвержены рабству» (Евр. 2: 15); «Посему ты уже не раб, но сын, а если сын, то и наследник Божий чрез (Иисуса) Христа» (Гал. 4: 7).

Таким образом, событием Христова Воскресения утверждается ценность, достоинство и духовная свобода человека, который уже не является узником и рабом собственного тела, но наоборот — вмещает в себя все мироздание. В Богочеловечестве Христа сквозь телесное естество сияет неизреченный Божественный Свет: «Одевался светом, яко ризою, наг на суде стояще и в ланиту удара приняв от рук, их же созда».

В Пасхе заложена также идея равенства, когда словно сравнились, сделались соизмеримыми Божественное и человеческое, небесное и земное; утверждается полнота величественной гармонии между миром духовным и миром физическим.

Праздничный эмоциональный комплекс радостной приподнятости, просветления разума, умиления и «размягчения» сердца составляет ту одухотворенную атмосферу, которая в пасхальном рассказе становится нередко важнее внешнего сюжетного действия. Внутренним же сюжетом является пасхальное «попрание смерти», возрождение торжествующей жизни, воскрешение «мертвых душ». Лейтмотивом в русской пасхальной словесности звучит торжественно-ликующий православный тропарь:

«Христос воскрес из мертвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав!»

Идеи русской классической словесности: «духовное проникновение», «нравственное перерождение», прощение во имя спасения души, «восстановление человека», воскрешение «мертвых душ», — приводят к мысли о том, что «если не все, то многое в русской литературе окажется пасхальным»².

Явно несправедливы те, кто в советские времена безоговорочно записал Чехова в стан атеистов. В конце XX века этот взгляд стал понемногу пересматриваться: «Какое это соблазнительно простое и какое неверное решение вопроса — называть Чехова атеистом. Без веры, без духовных ценностей, которые всегда назывались святыми, поскольку другого слова для них нет, без мысли о прошлом и надежды на будущее, без боли за ближних жить нельзя, как нельзя жить без совести»³.

Сам Чехов писал В. С. Миролюбову: «Надо веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать одиноко, один на один со своею совестью...»⁴ С особой силой звучит чеховская мысль: «Теперешняя культура — это начало работы во имя великого будущего, работы, которая будет продолжаться, может быть, еще десятки тысяч лет для того, чтобы хотя в далеком будущем человечество познало истину настоящего Бога...» (П11, 106).

Художественное подтверждение этой писательской позиции — в пасхальном шедевре «Святою ночью» (1886), где очевидно нравственно-эстетическое воздействие «рождественского рассказа» «Запечатленный Ангел» (1873) Лескова. Особая тема лесковского рассказа — отношение к русской иконе и иконописанию. «Запечатленный Ангел» — уникальное литературное творение, в котором икона стала главным «действующим лицом».

Рассказ Лескова был книгой для семейного чтения. Интересно сообщение Чехова редактору Лейкину 7 марта 1884 года: «Отец читает вслух матери "Запечатленного Ангела"» (П1, 81). Таким образом, лесковский «Ангел», был у Чехова «на слуху», что не могло не отразиться в его творчестве, а именно — в создании пасхального рассказа «Святою ночью».

Этот рассказ, бесспорно, создан в художественной манере Лескова.

Окончание на стр. 10

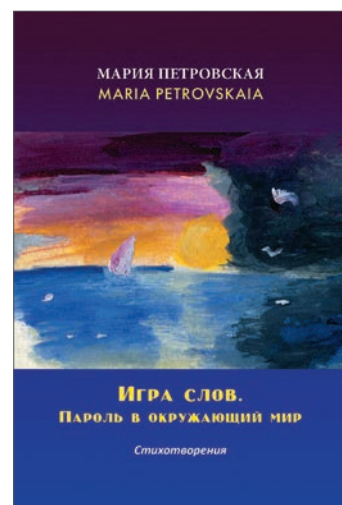
ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА СТИХОВ МАРИИ ПЕТРОВСКОЙ «ИГРА СЛОВ. ПАРОЛЬ В ОКРУЖАЮЩИЙ МИР»

Посмертная книга стихов замечательной поэтессы **Марии Петровской «Игра слов. Пароль в окружающий мир»**, вышедшая в издательстве **Евгения Степанова «Вест-Консалтинг»**, поступила 3.05.2024 в магазин «Фаланстер».

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА КАЗИМИРОВА

С **Владимиром Николаевичем Казимировым** (1929–2024) мы дружески общались более десяти лет. Однажды, в 2014 году, мы с моим старшим товарищем поэтом-дипломатом Владимиром Ивановичем Масаловым предложили Казимирову, который долгие годы возглавлял Совет ветеранов МИД, издавать газету возглавляемой им организации.

И он охотно, активно поддержал эту затею. И даже придумал название газете — «Наша Смоленка». И вот она выходит уже более десяти лет.

Я тогда, в 2014 году, и не знал, что легендарный дипломат Казимиров, который был послом в шести (!) странах, пишет с юности замечательные стихи. Хотя видел, что поэзию он любит самозабвенно. Всегда, когда мы общались, мы говорили, прежде всего, о стихах. Читали друг другу строчки любимых поэтов и как бы экзаменовали друга друга. «А это кто?» «Это Гудзенко!» «А это?» «Это Друнина».

Нередко Владимир Николаевич рассказывал мне о своей работе. Ведь он был не только послом в шести странах, но и полномочным представителем Президента Российской Федерации по Нагорному Карабаху, был одним из тех, кто добился в свое время мира в этом непростом регионе, а в молодости даже успел поработать под руководством будущего генсека ЦК КПСС Ю.В. Андропова — в посольстве СССР в Венгрии.

Для меня очевидно: Казимиров был не только выдающимся дипломатом, но оставил заметный след и в русской поэзии. Я счастлив, что успел издать две книги его стихов и включил как редактор много его стихов в сборник гражданской поэзии «России дух неистребим», который в ближайшее время выходит в нашем издательстве «Вест-Консалтинг» с предисловием Министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Уже в двадцать лет, будучи студентом МГИМО, Казимиров был ярким и глубоким мастером стиха, неповторимым и замечательным лириком.

А в зрелые годы писал грустные и мудрые одновременно стихи. Это поэзия философской мысли, поднимающая сложнейшие — основные! — вопросы бытия.

Кончились мои десятилетия.
Счет пошел от силы — на года.
Но дорожке всех как раз последние —
Ведь не повторятся никогда!

Но с хандрой не собираюсь встретиться
И у пограничной полосы.
Даже если счет пойдет на месяцы,
На недели, дни или часы.

Честное, пронзительное, мужественное стихотворение, написанное в лучших традициях русской классики.

В стихах Казимирова нет слащавой красоты, нет фальши. А есть честный разговор с самим собой и нами, его читателями. Именно стихи поэта Казимирова мне помогают понять себя, понять природу человека. Помогают жить.

В этом номере, уважаемые читатели, мы публикуем большую подборку стихов Владимира Казимирова, которая выйдет в сборнике «России дух неистребим».

Евгений СТЕПАНОВ,
кандидат филологических наук

Владимир КАЗИМИРОВ СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «РОССИИ ДУХ НЕИСТРЕБИМ»

Владимир КАЗИМИРОВ — в МИД в 1953–2000 гг. Посол СССР/России в Коста-Рике (дважды), Венесуэле, Тринидаде и Тобаго, Анголе, Гватемале. Служил также в Венгрии и Бразилии. Посол по особым поручениям. Представитель Президента РФ по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе. Орден «За заслуги перед Отечеством» — V степени, два

ордена Трудового Красного знамени, другие ордена и медали. В 2000-е годы зам. председателя Ассоциации российских дипломатов. Был председателем Совета ветеранов МИД России. Награжден почетным дипломом Союза писателей России «Ф. И. Тютчев — 200 лет». Ушел из жизни 19 апреля 2024 года.

* * *

Кончились мои десятилетия.
Счет пошел от силы на года.
Но дорожке всех как раз последние —
Ведь не повторятся никогда!
Но с хандрой не собираюсь встретиться
И у пограничной полосы.
Даже если счет пойдет на месяцы,
На недели, дни или часы.

СНЫ НА ЧУЖБИНЕ

Утра в хрустальных росах.
Птичий лесной галдеж.
Все, что ты дома бросил,
где ты еще найдешь?

В желтом огне осинник.
Думы седых дубов.
Снова зовет в Россию
преданная любовь.

Помнится ночь над полем,
белые петли рук...
Милое все — до боли.
Но далеко — до мук!

Звон золотой пшеницы
да васильки во ржи...
В них бы мне и зарыться —
в поле на воле жить!

Сосен резные кроны.
Песни босых берез.
Родина! Ты лишь тронешь
душу до самых слез.

1948

В ДОРОГЕ

...И снова за окнами — пестрые версты
да ветер гуляет окрест.
Да, взмыв из трубы, паровозные звезды
стремительно падают в лес...

Как будто бы дома ты вовсе и не был —
все время в пути да в пути.
Летит на восток неподвижное небо,
а поезд на запад летит.

Беспечную легкость дорожных котомок
да бодрые песни в груди —
завидная участь! — от дома до дома,
из края в конец пронести.

И чтоб там ни снилось твоей недотроге,
где тихие полдни во сне непробудном —
ведь ты предпочел поезда и тревоги,
ведь ты полюбил беспокойные будни!

29 июля 1949

НОЧЬ В ВОЕННОМ ЛАГЕРЕ

Тьма, как лазутчик, подползла к заставе.
Приникли тени к каждому кусту.
И часовые строго по уставу
бросают властный оклик в темноту.

Но только эхо им ответит где-то...
Да лязгом стали вызвонит вода,
да небо, как сигнальная ракета,
распорет вдруг падучая звезда.

Опять, как вспышки выстрелов, зарницы...
Далекий гром, почти что как стрельба...
Да, нам с тобой придется породниться,
суровая солдатская судьба!

Мы наши жизни подчиним приказам.
Раз наш черед — познаем до конца
и зной, который лихорадит разум,
и стужу, леденящую сердца!

Нелегкий путь нам веком предначертан.
Но чтобы мне суметь его пройти —
твои слегка помятые конверты
как талисман удачи на груди.

1950

АРМЕЙСКИЙ БОЛЬШЕВИК

Гвардии капитану Верескуну

Придет пора — вернемся снова
к конспектам, книгам...
А пока
нам помогает только слово —
простая речь совсем простого
армейского большевика.

Он не твердил нам о святых.
Без громких фраз и без прикрас
он говорил о дисциплине,
о людях, о войне, о нас.

Тревогами солдат тревожась,
в наш братский круг войдя едва,
как зерна, щедрые на всхожесть,
бросал он страстные слова.

Запав в сердца толковым людям,
они обильно прорастут.
И самым благодарным будет
его большой, партийный труд!

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

Владимир КАЗИМИРОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «РОССИИ ДУХ НЕИСТРЕБИМ»

Продолжение. Начало на стр. 2

И в дни, когда случится снова,
что будет ноша нелегка,
мы вспомним боевое слово —
простую речь
совсем простого
армейского большевика.

1950

* * *

Д. В. Кузнецову

Ветер, гарью в лицо нам дунувший,
выжег детский пушок у щек.
Шли на фронт безусые юноши,
не познавших жизнь еще.

Сколько каждый из нас увидел
бед людских и крутых невзгод!
Сколько тонких белесых нитей
впутал в волосы горький год.

Сколько раз приснились потом нам
развороты ревущих туч,
в лоб расстрелянные понтоны,
вплавь и вброд переиденный Збруч.

И проснешься и то — вглядеться:
схватка в темени блиндажа,
дикий ужас в глазах у немца,
тусклый взмах острия ножа.

Как пробитый холодным потом,
отряхнешь виденья на миг,
и встают наяву заботы
недочитанной грудой книг.

И усталость опять нависнет,
и сомнения, как назло,
и читаешь, и ищешь мысли
в непонятных обрывках слов.

Но опустятся руки едва лишь,
лишь покажется жизнь трудней,
как на память придет товарищ,
не дождавшийся майских дней.

Он закату упал навстречу,
а под вечер была взята
та, на картах ничем
не меченная,
та далекая высота.

А апрель размывал обочины,
и бурлила вокруг весна.
Через месяц была окончена
опостылевшая война.

И упавших в дыму атаки
каждый в сердце своем унес.
И махали нам вслед словаки,
и словачки слепли от слез.

Сколько там осталось на память
звезд, осыпавших каждый шлях.
Золотыми литыми снопами
обелиски стоят на полях.

Часто свежие над Моравой
на могилах лежат венки.
И на то их святое право,
не вернувшихся с той реки.

И опустятся руки едва лишь
да покажется жизнь трудней —
вновь на помощь придет товарищ,
не доживший до этих дней!

1951

ПЕРЕД АТАКОЙ

Ночью никто не спит.
Каждому бой знаком.
Кто-то пишет тайком:
«Если буду убит,
считайте большевиком».

Сказано: ровно в пять.
Ждут будто сто часов.
Ждут без ненужных слов.
Трудно так долго ждать
властный ракетный зов.

Можно на взрытый снег
навзничь упасть потом,
можно не встать — не грех!
Лишь бы — один за всех!
Лишь бы — за отчий дом!

Всем домой не прийти.
Бой и кровь впереди.
Выживших душит грусть.
Встань и спрячь на груди:
«Если я не вернусь...»

Этих срезал металл.
Тот — у дзота упал.
Нам их дела вершить!
В гуще ветров и книг
нам продолжать за них.
Нам изучать тома.
Нам возводить дома.
Нам приказала жить
Родина-мать сама.

1949

ВОЗМУЖАНИЕ

Ю. А. Гагарину

Человек — в бескрайней шири мира!
Замерли небесные тела.
Мать -Земля, не ты ль его вскормила,
разум, душу, плоть ему дала?!

Что же в радости тебя тревожит?
Иль во тьме веков, пока он рос,
ни о чем подобном ты, быть может,
никогда не думала всерьез?

Добывал огонь, сумел одеться,
примерял суда, как башмаки —
а тебе он так и был младенцем,
делающим первые шаги...

Начал строить жизнь
по умным книжкам,
устремил ракеты в вышину —
а тебе казался все мальчишкой,
из рогатки целящим в Луну...

В материнской радости и муке
ты светилась вся от блеска слез.
Только о возможности разлуки
догадаться раньше не пришлось.

Мир вокруг безмолвен и бездушен.
Мрак царит на дне голубизны.
Там ни белых облаков-подушек,
ни зеленых одеял лесных...

И когда стремглав навстречу риску
сын твой
к звездам, ввысь
рванулся вдруг,
с тягостною болью материнской
выпускала ты его из рук.

Ветер пел и бил в ладоши шало,
громоздил, ликуя, голоса.
Ты заметила — как возмужал он,
человек, за эти два часа?!

Пусть дерзает, чтоб от счастья пелось!
В битвах и на гребнях баррикад
век за веком обретал он зрелость,
как присягу молодой солдат.

Пусть он озарит тебя улыбкой
и опять — в кабину корабля..
Сын к тебе вернулся на побывку.
В бой благослови его, Земля!

12 апреля 1962

* * *

Друзья про чудо нам твердят восторженно.
На чудо ропщут битые враги.
А нам ни спесь, ни робость не положены.
Друг, не бахвалься! Враг, поменьше лги!

Мы знаем, что какой ценою добыто:
сибиряки в дубленках под Москвой..
Безвестный Королёв корпел над опытом..
И кто еще не жертвовал собой?

Мы — работаги. Вовсе не от водки
один осунулся, другой зачах.
Мы всю страну — от Крыма до Чукотки —
поближе к солнцу тащим на плечах.

Как выдюжить нам, силы взять откуда?
Паек блокадный. Каждый срок — в обрез!
Кто б тут отказываться стал от чуда?
Но в том и соль, что в мире нет чудес.

В расход пускали. Громогласно спорили.
Был просто вождь. И был — всему отец.
Крутая, знала все наша история,
но ни малейших, ни на грош чудес!

Ноябрь 1967

* * *

Смерть смерти рознь! Я сам ее боюсь.
Но при расстреле, вышагнув из строя,
на мушке у врага поют герои,
и по-свинячьи взвизгивает трус.

В бою, где пули хлещут с разных точек
и сразу всех подряд сражают влет,
смерть так скупа, что никаких отсрочек
для изложения кредо не дает.

Поэтому спеши, пока не гибнем,
пока ты зряч, подвижен и здоров,
чтоб стала жизнь сама,
как клич призывный,
тогда и смерть красноречивей слов.

МЫ ЗА МИР

«Мы за мир», сказал когда-то кто-то.
Но — из здравомыслящих людей.
Умирать и вправду не охота.
Жаждет убиений лишь злодей.

Был бы мир, и ничего не надо мне.
Мир куда приятнее без войн!
Не пора ль порадовать парадом?
Но к чему воинственный трезвон?!

Человек пошел на все лишения,
сбился с правоверного пути,
лишь бы в части средств уничтожения
всех животных мира превзойти.

Расползлась дурная эта мания,
разум вместе с совестью глуша.
То трясла оружием Германия,
то трясут трясущиеся США.

Окончание на стр. 4

ОНИ УШЛИ. ОНИ ОСТАЛИСЬ

Владимир КАЗИМИРОВ
СТИХОТВОРЕНИЯ ИЗ СБОРНИКА «РОССИИ ДУХ НЕИСТРЕБИМ»

Окончание. Начало на стр. 2

Не проходит это. И не лечится.
Сто веков между добром и злом!
Самоистребление человечества
станет скоро просто ремеслом.

Уж не знаю, долго ли протянем мы?
Согласитесь хоть в одном со мной:
стыдно перед инопланетянами
за твои безумья, люд земной!

2015

НАРОДУ СВОЕМУ

Никогда твой отпор и не мог быть напрасен
тем, кто лихо рискнул на Россию напасть.
Нет в истории мира страниц столь контрастных.
А война — это горе и смертная страсть.

Русь не часто с побед начинала сраженья,
отступала, терпела, а враг ликовал.
А судьба, не спеша, принимала решенья,
что напавшим несли несомненный провал.

Оказавшись в войне, и не смей отбиваться
и надеяться лишь на победу потом.
Под Москвой, под Берлином умели ж сражаться,
защищая страну, как свой собственный дом.

Наши люди, коль надо стране или дому,
даже если невмочь, не откажут помочь.
Если что-то не так, то достичь перелома,
если боль невтерпеж — перевозмочь!

Пусть века, как и прежде, несут перемены
и все реже приходят крутые года.
Но дыханье Победы, запавшее в гены,
не покинет потомков твоих никогда!

2015

* * *

Стержень несгибаемый — Россия!
Преуспевшие в иных делах
столько раз себя превозносили
и стереть ее с земли грозили,
а в итоге ждал их полный крах!

На Руси традиции живучи.
А коснись, еще сгодятся впредь.
Мы же им твердим на всякий случай:
в русском просто нет глаголов круче,
чем, собрав все силы, ОДОЛЕТЬ!

* * *

От Каширы — сотня до столицы.
Там однажды с братьями втроем
повидали мы тех самых «фрицев» —
не на фото, а еще живьем.

А в Москве потом застал бомбежки.
Пал на Серпуховке весь квартал.
Ели все — от хлеба до картошки.
Так и я учиться жизни стал.

А в Сибири мой отец (когда-то!)
отсидел свой пятилетний срок.
И уже как рядовой штрафбата
с фронта ногу еле уволок.

Не отыщешь ни семьи, ни дома,
где война не правила б сполна...
Только слишком юным не знакома
та не раз проклятая война...

За улыбкой выжившего деда
скомкан ужас тех кромешных дней...
Всем, кто миру в самом деле предан,
тем и дорога наша Победа,
что народ сумел пробиться к ней.

Февраль 2020

* * *

Зачем галдеть о Родине часами?
Клич за нее бесценен на войне!
Но не кричит о ней кто делом занят.
Она же нам и учинит экзамен —
ты долгу верен или трескотне?

Да, многим Родина дороже жизни.
Народ и Родина — родни родней!
Жаль, что не всем... Но чем страна светлей,
тем нетерпимей, даже ненавистней
тебе любая несладуха в ней.

* * *

Нас война взрастила, безотцовщина.
Мать спасла. Россия!
Рос и я.
У меня с ней все навеки общее.
Разница — лишь в сроках бытия.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

«Прямая наводка» — тридцать четвертая книга серии «Библиотека журнала «Дети Ра»», в которой представлены преимущественно новые стихи известного поэта Сергея Попова. Название книги звучит безжалостно, поскольку известно, что стрельба из дальнобойного орудия, выполняющего огневую задачу прямой наводкой, начинается тогда, когда враг уже близко. Оружие подвергается ответному огню со стороны противника. Это значит, что никакие расчеты не нужны. Снаряд летит по прямой.

Так и откровенность лирического высказывания Сергея Попова не оставляет читателю иллюзий в восприятии реальности. Реальность сурова, нельзя сказать, что беспросветна, но, во-первых, холодна, а, во-вторых, все, даже самое прекрасное, что есть в жизни, человек неизменно должен потерять:

И вся любовь — обратная дорога,
где деревья, красуясь и дрожа,
запоминают лишь улыбку бога
с последнего сквозного этажа.

Рифма проста, созвучие «бога — дорога» отсылает нас к строкам Лермонтова, но это не то блаженное спокойствие, о котором говорил классик, это констатация факта от человека, который в приукрашивании реальности не нуждается. Даже тот факт, что слово «бог» поэт пишет с маленькой буквы, тем самым, умаляя значение этого слова, говорит нам о мироощущении его лирического героя:

И темноты отработанный свет
все продолжение сводит на нет,
даром что полнится кровью зенит —
больше за небом никто не следит.

Как ни странно, здесь слышатся отзвуки детского «сади-ского» стишка (тот же размер — трехстопный дактиль с мужскими окончаниями последних слов в стихотворных строках, отличительная парная рифмовка и легкий налет той же мрачной иронии), цинично и насмешливо констатирующего факт: «больше в деревне никто не живет». Реальность страшна, когда называешь вещи своими именами. Но если в фольклорных четверостишиях изображаемые факты обесцениваются

Сергей Попов
Прямая наводка
М.: Библиотека журнала «Дети Ра», 2024

до желаемой реакции читателя — злобного хихиканья, то в многомерном поэтическом пространстве Сергея Попова человек как бы «выпадает» из реальности. Отсутствие какой-либо упорядоченности в жизни его лирического героя настораживает читателя. Если за небом никто не присматривает, выходит, что Самого-то... не существует?.. Это вынуждает нас испытывать дискомфорт и неустroенность, ибо изображаемый поэтом человек чудовищно одинок. Ему не на что опереться. Он не выстраивает связи с миром, и даже небо — место, с которого Бог смотрит вниз — зияет разрушительной пустотой. Отсюда — один шаг до опасной психологической установки: «Если Бога нет, все дозволено». Кожей чувствуешь, что ни в коем случае нельзя принимать данное утверждение как руководство к действию. Почему? Да «нипочему». Просто нельзя.

Хождение неприкаянного лирического героя Сергея Попова по краю пропасти, впрочем, время от времени прерывается внезапным чувственным переживанием, трепетным и силь-

ным, и этот порыв — знак того, что любовь к жизни в этом мудром, пронизательном и серьезном человеке не затухла:

Жизнь — это лава, а не слова —
в том она вся и есть,
что на разрыв голосит листва.
Это благая весть.

Жить ради любви к самой жизни — горькая радость, итогом которой поэт видит не спасение, но суровый приговор: все, что ты совершил в жизни, останется с тобой навсегда. Лирический герой Сергея Попова максимально требователен к себе. Он сдержан, малоэмоционален, и, может быть, кому-то покажется «сухарем». Но самого себя судит судом строгим, а перед миром и людьми показывается без масок:

В придонный ил уходишь, в облака ли —
пощадь нет безбашенной душе.
И сколько бы зарницы не сверкали,
ничем не оправдаешься уже.

Эта почти тупиковая отстраненность от мира столь же тревожна, сколь и спасительна. Между всем, что мы любим, должна существовать дистанция. Иначе неизбежна привязанность, страх потерять, утрата объективного отношения. Именно так видит мир замечательный поэт Сергей Попов: без прикрас, без восторгов, непрерывно находясь в состоянии мучительной рефлексии. Ясность понимания мира при ощущении бессилия человека что-либо в этом мире серьезно исправить рождает выстраданные, искренние, чисто христианские строки:

Но правоту нести как знамя
легко у неба на виду —
ее материя сквозная
не подотвeтственна суду.

Новая книга Сергея Попова — о нас и для нас, таких неприкаянных, уставших от жизни, но где-то в глубине души отчаянно жаждущих света.

Вера КИУЛИНА

ИНТЕРВЬЮ

Евгений Степанов, который отмечает свой шестидесятилетний юбилей, рассказывает о своей литературной работе, Союзе писателей XXI века, издательской деятельности, снятых им фильмах, о друзьях молодости — Артёме Боровике, Михаиле Поздняеве и других поэтах и писателях.

С ним побеседовал Николай ФОНАРЁВ.

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: «ИЗДАТЕЛЬСТВО — ЭТО СУДЬБА...»

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, телеведущий, кинорежиссер. Автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг», президент Союза писателей XXI века. Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института по специальности «французский и немецкий языки» и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в периодике в разных странах мира. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер», портала «Читальный зал» и многих других литературных СМИ. Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева» и «Сура». Живет в Москве.

— Евгений Викторович, поздравляю Вас юбилеем. Как будете отмечать?

— Спасибо, Николай Петрович. Отмечать буду, как всегда — за письменным столом. Работы очень много. И литературной, и административной.

— Что для Вас главное в жизни?

— Любовь. Родная земля. Семья. Поэзия. Работа.

— А что такое любовь?

— Любовь — это когда альтернатива невозможна.

— А что такое поэзия?

— Поэзия — это несовершенная душа человека, запечатленная в совершенной стихотворной форме.

— Что такое литература в целом?

— Это комментарии к Библии, к десяти заповедям. А бывает и по-другому. Иногда литература — это опровержение заповедей; и такое встречается, даже у великих писателей. Тогда возникает вопрос: «Тварь ли я дрожащая или право имею». И начинается неприемлемое для меня размышление о том, имеет ли право один человек на убийство другого или нет. Это очень опасная и страшная литература...

— В чем смысл жизни?

— Не совершить больших грехов, как говорит герой фильма «Остров» режиссера Павла Лунгина. Я об этом (о смысле жизни) двухсерийную картину снял — называется «Основной вопрос». Там много толковых ответов разных умных людей на этот вопрос.

— Вы считаете себя профессиональным литератором?

— Профессионал — это тот, кто получает за свою работу деньги. А я денег за свои публикации не получаю. Раньше, уже в девятнадцать лет, я получал гонорары. И тогда, в Советском Союзе, был профессионалом, литератором. А сейчас я не буду говорить кто я. Об этом хорошо по аналогичному поводу пошутил Хармс. Но мне обидно его сейчас цитировать.

— Вы двадцать один год возглавляете солидное издательство «Вест-Консалтинг», делаете сайты, издаете книги, журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», «Персона PLUS», газеты «Литературные известия», «Поэтоград» и другие СМИ... Вы также работаете заместителем главного редактора газеты общественных организаций МИД «Наша Смоленка: Люди и дела». А сколько книг Вы всего издали?

— Раньше считал. Сейчас уже сбился со счета. Примерно две тысячи наименований книг.

Это книги Геннадия Айги, Владимира Алейникова, Анны Альчук, Сергея Арутюнова, Сергея Бирюкова, Михаила Бойко, Владимира Бояринова, Лео Бутнару, Яна Бруштейна, Юрия Влодова, Татьяны Грауз, Анастасии Ермаковой, Ольги Ефимовой, Тамары Жирмунской, Максима Замшева, Юрия Казарина, Владимира Казиминова, Елены Кацюбы, Константина Кедрова, Кирилла Ковальджи, Надежды Кондаковой, Любови Красавиной, Нины Красновой, Анатолия Кудрявицкого, Бориса Кутенкова, Максима Лаврентьева, Славы Лёна, Светы Литвак, Наталии Лихтенфельд, Анатолия Малкина, Владимира Масалова, Вилли Мельникова, Сергея Мнацаканяна, Людмилы Осокиной, Игоря Панина, Егора

Радова, Семёна Резника, Веры Сажинной, Евгения Сидорова, Виктора Сосноры, Александра Тимофеевского, Александра Ткаченко, Александра Файна, Евгения Харитонova, Вячеслава Харченко, Игоря Харичева, Мариэтты Чудаковой, Андрея Шацкого и многих-многих других. Ну, а в периодике это сотни имен из разных городов и стран.

У нас также выходят известные книжные серии — «Они ушли. Они остались», «Авангарды», СВЛ (Судьбы выдающихся людей), Библиотека журнала «Футурум АРТ», Библиотека журнала «Дети Ра», Библиотека «Поэтограда» и т.д.

Не все, конечно, книги получаются на высоком художественном уровне, но кое-что хорошее нам сделать удалось.

— Из перечисленных авторов — большинство поэты и прозаики. Это ваш основной профиль?

— Наверное, да. Но мы издаем и словари, и учебные пособия, и мемуары... Я рад, что мы издали воспоминания Вячеслава Воронкова, бывшего руководителя Сочи, воспоминания Владимира Гринина, бывшего посла России в ФРГ, и много других интереснейших книг.

— Издательство — это прибыльный бизнес?

— Это вообще не бизнес. Это судьба. Просто я делаю то, что должен делать. Издаю то, что считаю нужным издавать. А деньги... Деньги, конечно, не главное. Заплатил налоги, оплатил аренду офиса, погасил типографские и накладные расходы, перечислил сотрудникам зарплату, купил себе и кошкам-собакам еды — и будь доволен.

— Зато занимаетесь любимым делом...

— Это правда.

— Есть ли поэты, которые Вас восхищают?

— Есть стихи разных поэтов, которые меня восхищают. У меня есть одна книга (точнее, второй том антологии «Они ушли. Они остались»), где я пишу об одном гениальном, на мой взгляд, стихотворении у разных поэтов...

— В литературе много преувеличенных имен?

— Много. Это нормальный процесс. Чтобы понять хорошую литературу, нужно быть равновеликим писателю. У слабого автора гораздо больше шансов войти в историю, чем у сильного. У слабого автора априори больше читателей.

— Вы возглавляете Союз писателей XXI века. Сколько сейчас авторов в ваших рядах?

— Более пятисот. Большая организация. И всем мы даем возможность печататься в наших изданиях, регулярно проводим Гостиные СП XXI века в ЦДЛ, делаем передачи о литературе на телеканале «Диалог»...

— Легко к вам вступить?

— Сейчас стало намного труднее. Когда принимаешь человека в СП, принимаешь за него ответственность. Нет особенно большого желания поддерживать графоманов. Хотя и они нужны. Все имеют право на существование. Если бы я сейчас принимал всех желающих, у меня была бы целая армия литераторов. Но такой задачи я перед собой не ставлю.

— Зачем Вы — при такой-то нагрузке — стали еще и кино снимать?

— Я старею. У меня в слове стало меньше экспрессии. Мне нужны дополнительные средства выразительности. Ларчик, как всегда, открывается просто.

— Вы печтаетесь как поэт, прозаик, драматург, литературовед, литературный критик, переводчик зарубежной поэзии, интервьюер, публицист. Вы снимаете игровые и документальные фильмы. Как Вы сами считаете, в какой из перечисленных ипостасей Вы наиболее полно реализовались? Наверное, это сложный для Вас вопрос?

— Это для меня очень простой вопрос. Лучше всего я... выращиваю огурцы. У меня на даче пять теплиц. Я выращиваю очень много огурцов, и сам ем, и другим раздаю. Не продал за всю жизнь ни одного овоща. В теплице чувствую себя комфортно. А что касается моего сочинительства и кинематографической работы, то здесь я себя оценивать не могу. Пусть это делают другие.

— Какой фильм Вы бы хотели еще снять?

— Комедию. Хочу так насмешить людей, чтобы они задумались, может быть, чуть взгрустнули. Смех часто бывает трагическим.

— Есть ли популярные актеры, с которыми Вы хотели бы поработать? Машков, Безруков, Миронов?..

— Это выдающиеся артисты. И, конечно, любой режиссер хотел бы поработать с такими звездами. Но мне интересны и другие актеры. Например, Кирилл Пирогов, Полина Кутепова, Игорь Верник... Они мне ближе по внутренней сути. Но это тоже звезды первой величины. Если будут деньги, я, конечно, предложу им свои сценарии.

— Вы часто снимаете непрофессиональных актеров. Почему?

— По ряду причин. Основная причина заключается в том, что у меня люди играют, как правило, самих себя. И поэтому в актерской работе меньше фальши. Понимаете, я знал одного хорошего актера, добрейшего человека, но он играл убийцу. И я ему, как говорил Станиславский, не верил... Я знал, что он не убийца. Я снимаю кино, где все по-настоящему. У моих актеров практически нет игры. Они такие, какие они есть. Более того, я не даю своим артистам сценария. Только говорю, что им нужно сыграть и о чем говорить. Они всегда говорят своими словами; да, запинаясь, да, иногда это звучит косноязычно. Но и в жизни не все златоусты. В общем, я стараюсь, чтобы кино было максимально приближено к жизни. Учусь у неореалистов.

— А с кем-нибудь из иностранных актеров Вы хотели бы поработать?

— Конечно, с Пьером Ришаром, Дени де Вито... Вот мои герои, мои родные типажы. Это, конечно, недотепы, лузеры, как сейчас говорят. Супермены мне практически не интересны.

— Вы печтаетесь в самых разных журналах — «Неве» и «Звезде», «Нашем современнике» и «Москве», «Знамени» и «Дружбе народов», «Подъеме» и «Доне», «Интерпоэзии» и «Суре», «Урале» и «Литкультпривет!» А где состоялся Ваш дебют в толстом журнале?

— В «Дружбе народов», в 1989 году. То есть я в этом замечательном журнале печатаюсь 35 лет. И очень рад, что наше сотрудничество продолжается.

ИНТЕРВЬЮ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНОВ: «ИЗДАТЕЛЬСТВО — ЭТО СУДЬБА...»

Окончание. Начало на стр. 5

— Как Вы реагируете, когда Ваши стихи критикуют или редактируют?

— Очень положительно. Если редактор подскажет что-то, я буду очень благодарен. Со стороны виднее. Я рад любой критике. Но у меня есть правило: если редактор мне указывает на слабую строчку, я ее заменяю только на свой вариант. Мне так легче выразить то, что я хочу сказать.

— Кто был самый лучший редактор в Вашей жизни?

— Главный редактор всей моей жизни — это Наталия Лихтенфельд, с которой я прожил сорок лет, вплоть до ее трагического ухода в 2021 году. Она (поэт и филолог, и переводчица, и великой души человек!) меня учила всему. В том числе — литературному творчеству. Еще меня в детстве хорошо учила мама, она была выдающимся переводчиком с немецкого языка. И учила меня с детских лет и русскому, и немецкому языкам. Огромное влияние на меня оказали Сергей Бирюков, Татьяна Бек, Михаил Поздняев, с которыми мы вместе — в газете «Семья» и журнале «Столица» — работали пять лет, Артём Боровик — с ним мы трудились в ежеме-

сяннике «Совершенно секретно» три года. В молодости всегда прислушивался к советам замечательного поэта и переводчика Семёна Израилевича Липкина, с которым мы долгое время общались.

Сейчас я с большим вниманием и уважением выслушиваю редакторские рекомендации Галины Климовой, она — поэт и редактор отдела поэзии журнала «Дружба народов».

— Вам нужна известность?

— Я запечный сверчок. Пою свою негромкую песню. У меня есть несколько читателей-слушателей, мне хватает.

— Вы много лет ведете ПЛК (Профессиональные Литературные Курсы). Есть талантливые ученики?

— Конечно, есть. Курсам уже более сорока лет. Я их открыл, когда мне исполнилось девятнадцать лет и я был студентом Тамбовского педагогического института. Это была Поэтическая студия при ДК имени Кирова в городе Рассказово Тамбовской области, где я тогда жил.

Потом Курсы работали при МГО СП России, при Школе искусств имени Ю.С. Саульского. Сейчас мы функционируем при Союзе писателей XXI века. Занимаются у нас преимуще-

ственно члены нашей писательской организации. Занятия проходят бесплатно. По сути, это та же Студия, которая и была у меня сорок лет назад. Занятия я веду лично. Других педагогов у нас сейчас нет. Я рад, что некоторые мои воспитанники поступили в Литературный институт, кто-то (из взрослых студентов) стал лучше писать и печататься в наших изданиях — «Дети Ра», «Зинзивер», «Поэтоград», «Литературные известия» и в других.

— Какие планы?

— Я хочу снять кинокомедию из жизни литературной среды, выпустить большую книгу стихов, над которой сейчас работаю. Мечтаю передать свои земные дела (журналы, газеты и т.д.) в надежные руки. Для меня большое счастье, что моя сестра приняла в дар от меня дачу на станции Партизанская, где я проводил время на протяжении тридцати лет. Мне уже полегче. Потому что сил становится меньше, а дел еще надо сделать много. И я никогда не забываю мудрые слова классика: что отдал, то твое.

Беседу вел Николай ФОНАРЁВ

РЕКЛАМА

Издательство Евгения Степанова

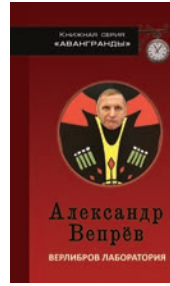
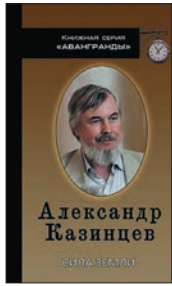
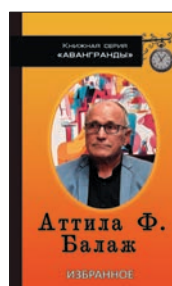
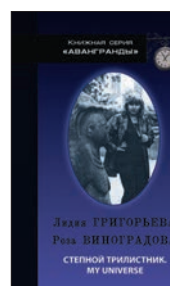
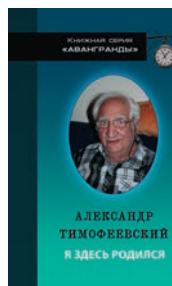
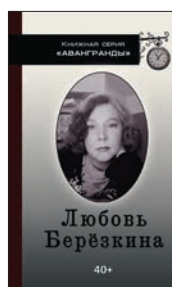
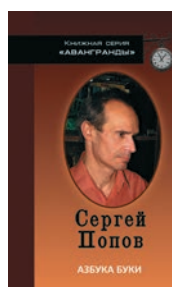
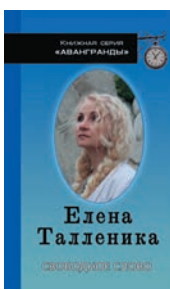
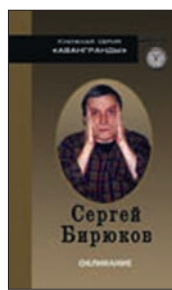
СПЕЦИАЛИЗИРУЕТСЯ НА ВЫПУСКЕ СТИХОТВОРНЫХ КНИГ

серия
«АВАНГРАНДЫ»Среди авторов издательства —
первоклассные поэты:

Сергей Бирюков, Арсен Мирзаев, Александр Вепрёв, Андрей Ширяев, Ян Бруштейн, Анатолий Кудрявицкий, Сергей Попов, Александр Тимофеевский, Сажа Вепревадзе, Анна Гальберштадт, Эдвард Хирш, Константин Кедров-Челищев, Елена Кацуба, Юрий Казарин, Юрий Влодов, Евгений Волков, Лидия Григорьева/Роза Виноградова, Анатолий Малкин, Ольга Ильницкая, Александр Казинцев, Ольга Ефимова, Григоре Кипер, Ирина Голубева, Александра Крючкова, Любовь Берёзкина, Елена Талленика, Николай Архангельский и Елена Ткачевская.

НОВИНКИ СЕРИИ
Вячеслав Харченко
и Аттила Ф. Балаж.

Книги выходят
по инициативе издателя —
кандидата филологических
наук, Президента СП XXI века
Евгения Степанова.
[https://reading-hall.ru/
publishers/i-e-stepanova.php](https://reading-hall.ru/publishers/i-e-stepanova.php)

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Представьте себе: живет на свете молодой человек. Яркий, талантливый. Учится в творческом вузе. Поэт. Прозаик. Драматург. И вдруг — бросает все и резко меняет жизнь, бросает институт, уходит в армию. Становится солдатом. Для среднестатистического гражданина — уму непостижимо: зачем? Ведь все есть: молодой, красивый, учись на здоровье и живи в свое удовольствие...

Книга избранных произведений поэта-воина Ивана Лукина дает ответ на этот вопрос: потому что не мог по-другому. Потому что ощущал: литературная среда не дает того, чего искала душа. В опубликованных на страницах этой книги материалах из записных книжек поэта мы находим поразительные слова: «В конце концов я перестал мучиться и выбрал свою форму обмана — моим обманом стали кино и литература, но, в отличие от многих обманов, которые скрывают или с помощью которых наживаются на обманутых, я обманутым через обман открывал правду. И тем самым я спасаю и оправдываю себя. Иначе я жить не могу». Это внутреннее ощущение: «Хочу, чтобы все было по-настоящему, по-честному» живет в каждом человеке, и есть у него имя: мучительная жажда Бога. Именно эта тяга рождает героев. Именно она вынуждает покинуть уютный мирок: как же можно отсиживаться за спинами других, когда Родина в опасности?

И снова — строки из записных книжек:

*Прохожу армию в режиме войны —
Передал друзьям мечты.*

Противопоставляя два мира, поэт вкладывает в это стихотворение осознание перемещения из одного пространства в другое: оттуда, где жизнь можно строить, сообразуясь лишь с собственной волей, туда, где отрекаешься от себя во имя высокой ценности воинского служения. Понятна связь этих предложений через тире — опрокидываешься сразу в новое качество, не успевая додумать, осознать, оплакать, что отныне твоя жизнь принадлежит тебе меньше, чем когда бы то ни было, ее фактически просто нет. Ничего себе: тактически и стратегически поведение отныне определяется старшими по званию, а жизнь полностью препоручается Всевышнему. Но главное: это все не просто так. Воин идет в бой, чтобы другие жили. Морской пехотинец Иван Лукин героически погиб при освобождении Мариуполя.

...Отец Ивана, писатель Борис Иванович Лукин, видел его своим наследником и вкладывал в это слово смысл, прежде всего, духовный: наследие, а не наследство определяет, как будут жить потомки — в благословении или страдании. Эта книга так и выглядит — духовным завещанием. Составленная Иваном еще при жизни, она послужит напутствием сомневающимся и отповедью — тем, кто не был на войне, но презрительно ухмыляется: стреляют где-то там, на краю географии, и вообще нас это не касается.

Борису Ивановичу пришлось взять на себя труд редактора, издать и познакомить читателя с данным сборником, оттого мы имеем возможность познакомиться с творчеством поэта не только тет-а-тет — через непосредственно текст. Отец и сын выступают соавторами и служат живым примером связи между поколениями. Так, по-хорошему, и должно быть: отец должен быть готов выслушать и понять сына, тот отвечает ему с уважением и доверием. Их переписку (Иван на тот момент, еще до начала специальной военной операции, уже находился на службе в рядах ВС РФ) нельзя читать быстро, пролистывая. Лишь осторожно, как бы отводя взгляд: не для нас она предназначалась, и не случилось то, что случилось, была бы она скрыта от посторонних глаз. Мы только можем хотя бы попытаться представить себе, что испытывал отец, когда читаем обращенные к сыну строки: «Я всегда рад видеть твою уверенность и жизнерадостность. Это твоё состояние поддерживает меня. А мне в последнее время очень непросто справиться со своим унынием. / Бог в помощь, дорогой мой сын».

...Учась в Литературном институте, он выбрал для себя псевдоним Иван Соловей. Будто бы в противовес насилию,

Лукин И. Б. (Иван Соловей)
Я НЕБО.

Избранное: стихи, проза, дневники, заметки, письма
М.: Литературный институт им. А. М. Горького, 2024

колоссальному давлению, оказываемому обществом на человека чувствующего, со-настроенного не с алчными помыслами мира сего, но с тем непознанным, к чему дано прикоснуться единицам. Иван, да еще и Соловей — два русских слова, за которыми стоит целый полк смыслов. И если об Иване мы узнаем из русских сказок, то образ Соловья отнюдь не чисто фольклорен: это один из самых распространенных образов русской лирики. Это — огромная ответственность. Назвался — соответствуй.

С первой страницы понятно — избрано то самое имя. Соловьи водятся только там, где есть заросли, нетронутая природа. Так и самое важное — высокое христианское начало — в стихах Ивана Лукина остается сугубо личным:

*БТРы вспахали колесами землю.
Я устремляю взгляд к небу —
к Богу, которого там нету
для многих, но только не для меня.*

Это — подлинная молитва. Человек просто отрешается от всего в безмолвном общении с Создателем. Нет ему дела до других, и смотрит он на своих товарищей без осуждения, но с тревогой и состраданием: на кого же они надеются, в чем их духовная опора? А сам всецело предает свою жизнь Тому, Кто устраивает наши судьбы. И как тепло звучит разговорная форма «нету» — это и рифма к «небу» (действительно, для неверующего ничего там нет, кроме воздуха), и форма, недопустимая в «правильной» литературной речи. Она не нейтральна, а бытует лишь в непринужденном общении — в разговоре, личной переписке и... в молитвенном порыве. А молитва — это как воинская присяга: ты и только ты держишь ответ перед небом, и бывают в жизни моменты, когда никто человеку помочь не может — рождается сам и умирает одиночно...

В сборнике много философских размышлений, и некоторые из них выражены емким верлибром. Словно предчувствуя, что его собственная жизнь будет короткой и яркой, поэт пользуется развернутой метафорой для выражения ценностной категории:

*Жизнь — это хрупкая чашечка, сделанная из фарфора.
В ней и хранится душа.
Эта чашечка может разбиться или потеряться.
Берегите ее.
Прячьте подальше от ветра и чужой руки.*

Обратите внимание: Лукин говорит не о хрустале — это банально и отдает мещанством (как часто мы слышим: «носишься с собой, как с хрустальной вазой!»). И не о стекле — оно прозрачно и дешево, из него делают не только посуду, но и пипетки, вазы, пробирки, в общем, ширпотреб. Речь идет о благородном материале — фарфоре, который изготавливают вручную и медленно расписывают, аккуратно, чтобы не дрогнула рука. Кстати, на фарфоровые заводы устраивают экскурсии для всех желающих, но в цех росписи вход строго воспрещен. Это — таинство. На выходе получается дорогая чашечка, подарочная, украшенная золотой окантовкой. Ее стеночки просвечивают: из такой не будешь на работе кофеек прихлебывать. Именно этот материал более всего подходит метафоре «жизнь — дар», поскольку жизнь нам дается вкуче со многими талантами и способностями, и душевными качествами, развивая которые, мы обязаны (по замыслу Творца) украшать сами себя. И как же страшно потерять себя или — не дай Бог — совершить непорочное...

Отдельно хочется сказать о прозаических произведениях. Им в книге отведено немало места, и это закономерно: с прозаическими публикациями в различных российских журналах Иван Лукин в 2016 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. В сборник вошла и неопубликованная проза, и снова, читая ее, испытываешь состояние, близкое к «вине выжившего»: стоп, мы не должны это читать, а раз читаем — давайте воспринимать прочитанное серьезно. Высокий символический статус любимой девушки подчеркивается в миниатюре-признании, так же величественно названной — «Любовь»: «Когда она обижается, мне кажется, что все потеряно, что больше я не смогу жить. Я готов извиняться миллион раз за малейшую глупость с моей стороны, а извиняюсь я только перед дорогими мне людьми, перед теми, за чью жизнь я боюсь». Настоящая любовь — это уязвимость, взаимопонимание и поддержка. Все остальное — внимание, ответственность, забота и прочее — вытекает из этого.

А вот «Тапочки» — тяжелая история. Смерть в ней предстает и бессмысленной, и глупой. В народе про героя рассказанной таксистом истории говорят: «жизнь не красна — так и смерть не страшна». Между тем, история о душевнобольном — лишь притча, самое важное сказано пассажиром после того, как молодой человек ошарашенно переваривал услышанное: «Ты прости, если обидел, но я ведь эту историю не просто так тебе рассказал. Ты ведь думай, что говоришь и что делаешь, ведь каждое твоё самое мизерное словечко, каждый шуточный поступок может убить, а может и, наоборот, спасти». Далее таксист наставляет парня: «И жизнь свою зря не трать, а то, как я, будешь — таксистом — или, еще хуже, будешь в одном тапке на шоссе валяться под пеленочкой». И вся проза, собранная под лаконичной обложкой этой книги — о том, как оставаться человеком в мире, где это, мягко говоря, не ценится. Кстати, рассуждая о произведении, которое сильно на него повлияло, Иван Лукин говорит о повести Б. Полевого «Повесть о настоящем человеке»...

Стихотворения, проза, фотографии, фрагменты из записных книжек... Сильное субъективное начало, помноженное на стройную организацию материала, делают эту книгу и целостной, и живой. Воспроизводя жизнь во многих ее проявлениях, Иван Лукин обращается к нам с прямоотой глубоко верующего человека. Талант Ивана, его светлая душа достойны быть востребованы современниками. Об этом сказал в заключительных строках этой книги поэт Сергей Арутюнов: «Премией его имени я бы награждал тех, кто уже в двадцать лет показывает, как нужно любить Отечество, как тосковать по нему и жертвовать собой без остатка».

Ольга ЕФИМОВА

НОВОСТИ

МЕМУАРЫ О ТАМАРЕ ЖИРМУНСКОЙ В «ФАЛАНСТЕРЕ»

Воспоминания о знаменитой шестидесятинице Тамаре Жирмунской «Поэт не может умереть», вышедшие в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг», поступили 3.05.2024 в магазин «Фаланстер».

В книгу вошли мемуары о ней людей, которые ее хорошо знали и любили. Среди них — Павел Сиркес (муж), Сандра Мясникова (дочь), Антонина Хлебникова-Искандер, Игорь Волгин, Татьяна Кузовлева, Владимир Леви, Лариса Румарчук, Вероника Долина, Евгений Степанов, Нина Краснова и многие другие.

В сборнике опубликованы стихи Тамары Жирмунской, ее переписка с поэтом Татьяной Бек (1949–2005), а также адресованные героине книги письма и телеграммы прозаика Юрия Казакова (1927–1982).

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Колумбийский философ Николас Гомес Давила писал: «Писатель, пишущий ясно, делает доброе дело, чему бы он не учил».

Вячеслав Харченко, вне всякого сомнения, делает доброе дело. Рассказы в его новой книге «Русалка» предельно ясны, можно сказать, прозрачны.

Крайностей в литературе много, конечно же, все они имеют право на существование и имеют собственных почитателей. Крайности могут заключаться в необоснованном нагромождении лирических образов, что выдается за «поэтичность», либо же в сухом повествовании, которое лишено какого-либо эмоционального начала и т.д.

Вячеслав Харченко избегает любых подобных крайностей, он выдерживает баланс между лиричностью, бытом, движением сюжета, юмором и философскими умозаключениями. Благодаря этому балансу каждый его рассказ читается с большим интересом. Лиричность не усыпляет, бытовые обстоятельства не утомляют, а философские размышления не кажутся беспочвенными. Все на своем месте, всему воздана должная мера.

Нельзя не отметить добрый юмор, от которого веет глубиной, но светлой печалью, а также мелодичность авторского языка. Именно с помощью языковой музыки нити рассказов Вячеслава Харченко сплетаются в одну целостную и органичную ткань.

Одно плавно перетекает в другое, например, лиричные описания в юмор:

«Нюта перевела взгляд на море. Ее лиловый шарф трепетал на ветру. От ветра Нюте было холодно. Она то и дело куталась в тонкую кожаную куртку, но, несмотря на теплую погоду, Нюта зябла.»

Вячеслав Харченко

Русалка

М.: Вест-Консалтинг, 2024

*Нюта задумалась на пару секунд и выпалила:
— Тогда едем на дачу Чехова.*

Нестерпимо захотелось курить, а потом и выпить.

Дача Чехова находится в Гурзуфе. Что я забыл в Гурзуфе?

Мне кажется, если бы Чехову предложили выбор: смотреть

на море или ехать на дачу в Гурзуфе, он, безусловно, выбрал бы море».

Во многих рассказах данной книги иллюстрируется будничное общение между людьми, здесь хотелось бы отметить предельную искренность автора, которая, в свою очередь, не может не подкупать читателя:

«Жилец моей московской квартиры пишет:

— Вячеслав Анатольевич, я нашел ваш паспорт.

— Мой при мне, — отвечаю.

— Загранпаспорт.

...

— Вы бы его прибрали, — пишет жилец.

— Выкини его в мусорку, — отвечаю.

— Куда?

— В мусорку.

— Не могу, рука дрожит, — пишет жилец.

— Ну поставь на него сковородку, он просроченный.

— Я вам в тумбочку положу.

Вся моя жизнь — это одна большая тумбочка. Там в темноте лежит все то, о чем я мечтал, но так и не решился осуществить».

Своим взглядом писатель выхватывает из жизненного потока, казалось бы, самое обыденное, но подсвечивает это так, что оно становится очень важным — некой квинтэссенцией нынешней жизни.

Новая книга Вячеслава Харченко «Русалка», на мой взгляд, является одной из лучших книг современной малой прозы.

Павел ЩЕРБАКОВ

Книга **Наталии Морсовой** соединяет в размышлениях две звезды, два — вернее — подлинных созвездия русского духа и гения: Пушкина и Лермонтова.

Морсова пишет поэтично, но вместе с тем — учено-деловито, с тем погружением в эпоху, когда разница между настоящим (нашим) и глобальным прошлым будто стирается за счет огня, которым пламенеет душа автора.

«Памятнику» посвященное эссе рассмотрит кадры контекста эпохи — будто пройдет фильм, составленный из слов, объединенных в тонкие размышления... Последние годы, месяцы пушкинской жизни насыщены чужой насмешкой; боль автора, исследующего любимые произведения и величественную жизнь, передается читателю. Это прием скорее исследовательский, нежели литературоведческий.

Морсова постигает взаимодействие слова и музыки: Пушкина и Глинки, тайну перехода слов в ноты...

Невыразимость гармонии вдруг оказывается выраженной чудесным образом, и на острове счастья, даримого музыкой, вполне можно забыть о низовой яви.

Сказки Пушкина, таящие в себе коды постижения реальности, исследуются вдохновенно и разнопланово; здесь и исторический контекст, и чистая метафизика...

Наталия Морсова

Пушкин. Лермонтов.

Невольники дерзновенного духа

М.: Вест-Консалтинг, 2024

Раскрывается величественный континент Лермонтова... Исполинский дух — точно определяет Морсова сущность поэта.

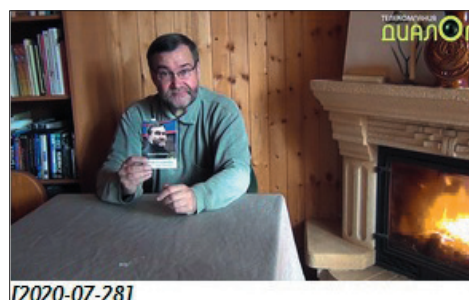
...Насколько выстрел Мартынова потряс небеса, Морсова ощущает всем сердцем, самой его алхимической составляющей; и, передавая трагедию гибели, словно провидит возможные варианты продления судьбы, необходимой последующим поколениям.

Морсова может исследовать одно стихотворение, открывая его потаенные, сокровенные ходы, может рассматривать феномен поэта в целом, но всегда это — яркое и пламенное эссе, способное воспламенить читательское восприятие и сердце — были бы только они чуткими...

Александр БАЛТИН

РЕКЛАМА

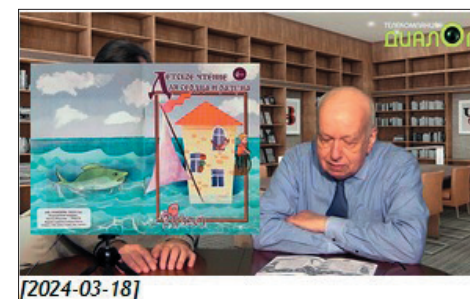
«Диалог» — ЭТО ВАШ ТЕЛЕКАНАЛ!

ТЕЛЕКОМПАНИЯ ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА «Диалог»
СОЗДАЕТ ФИЛЬМЫ О ТЕХ ЛЮДЯХ И ФИРМАХ,
КОТОРЫЕ ДОБИЛИСЬ ЗНАЧИМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ В ЖИЗНИ

Тел.: +7 (495) 971 79 25 факс: +7 (499) 152 28 04

адрес электронной почты: stepanov@mail.ru

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Замечательный переводчик Алексей Юрьев знакомит нас с произведениями английского поэта Уильяма Эрнеста Хенли, к сожалению, мало знакомого русской читающей публике. А ведь это был удивительный человек! Мало того, что прекрасный поэт, так еще и пример неукротимой силы духа, как бы сейчас сказали, «мотиватор». Вы только представьте себе: человек страдает костным туберкулезом, часто лежит в больнице, лишился ноги. Впору громко жалеть себя, страдать и жаловаться на жизнь. Так поступили бы многие, но не Уильям. Он не только не терял надежды на лучшее, был неисправимым оптимистом, но и продолжал писать стихи. Огненная борода, буйный нрав и деревянная нога — типично «разбойничья» внешность веселого поэта оказалась до того яркой, что Роберт Стивенсон в своем романе «Остров сокровищ» в образе хромого пирата Джона Сильвера воплотил его черты (этому имеются документальные подтверждения, читайте письма писателя).

Столь суровый жизненный опыт не смог не отразиться на творчестве поэта. Он относится к смерти с почтением:

Внутри зимнего серого восторга,
Внутри летней позолоченной мечты,
Святая и возвышенная, и беспристрастная
Смерть, мать Жизни,
Смешивает всех людей навсегда.

Выглядит как романтизация смерти. Но нет.

Поэт восхищает дуализм, служащий основанием одного из главных законов бытия: там, где зарождается жизнь, появляется и смерть. Осознание хрупкости жизни и неотвратимости смерти толкает поэта возвеличить то, чего человек обычно боится, то, чего стремится избежать. Возникает парадокс: мы ассоциируем образ матери с понятием «жизнь». Мать — это не только та, что дает жизнь, но и олицетворение родного дома, безопасности, нежности и тепла. Но в данном случае роль дающего начала переходит к образу смерти, что пугающе справедливо: как бы мы ощутили подвижность матери и радость проживания каждого дня, если бы не понимали, что сердце может перестать биться в любую минуту? Завтра, вечером, даже — о, ужас! — через час!.. Смерть присутствует незримо, гнездится внутри понятий, радующих человека, спит до поры до времени. При этом поэт признает этот страх, встречается с ним и смотрит ему в глаза. Смерть — великий уравниватель, и в этих строках читается как чисто человеческая боязнь неизбежного, так и христианское смирение: двум смертям не бывать, а одной не миновать...

Но Уильям Эрнест Хенли отнюдь не призывает читателя опустить руки. Рабская пассивность чужда его произведениям. Все, что угодно, только не это! Читая его произведения, кожей чувствуешь бунт и против смерти, и против калечащего душу уныния. Когда остаешься перед выбором — «жить комфортнее» или «жить скромнее», а по гамбургскому счету — «жить вообще» или нет, в человеке просыпается мощнейшая сила любви к жизни. Какой уж тут покой, когда в спину дышит старуха с косой!.. Даже встретиться с ней хочется не тихо-мирно, а так, как это делали английские мореплаватели, воины и путешественники — гордо и торжественно. Поэт характери-

Уильям Эрнест Хенли Избранные стихотворения М.: Вест-Консалтинг, 2024

зует море как пространство жизни, вечно пребывающее в движении:

Волнуется море, гремит
В славном и радостном хоре.
Меня схороните не в мертвой земле,
А в этом живом море!

Это ли не подлинное жизнелюбие?.. Рифмованный перевод, к которому мастерски прибегнул Алексей Юрьев, отражает своеобразную, практически музыкальную ритмичность этого стихотворения, энергию жизни, и, в конечном итоге, передает накал художественной информации. Великобритания, грозная повелительница морей, до сих пор не отошла от традиции хоронить своих подданных в морских глубинах. Правда, в текущем столетии делать это можно только в строго отведенных местах. Так что лирическому герою этого короткого (всего две строфы!) стихотворения, можно сказать, везет. Его последняя воля сбудется:

Эй, там схороните, вдали,
Где берег за тысячу миль от меня,
И с этим родным непокоем
Я буду един навсегда.

При переводе с английского языка на русский точное сохранение метра и ритма — трудное дело, ведь наши языки очень различны. Нелегко переводчику передать и бунтарский дух лирического героя. Во второй строфе Алексей Юрьев отступает от точной рифмы, дабы подобрать наиболее совершенный баланс между смыслом текста и четкостью созвучия, оптимального для русскоговорящих читателей.

Эта книга избранных стихотворений насыщена мрачными образами, но, вчитавшись внимательнее, читатель убеждается: за описаниями тяжелых жизненных ситуаций кроется не жалость человека к себе, а библейское понятие — стойкость. В этом контексте оно отражает мужество, долготерпение перед лицом испытаний. Поэт подробно и спокойно описывает пребывание в больничных стенах, анестезию, операцию... Так, стихотворение «После» из цикла «В госпитале» начинается с того, что человек выходит из наркоза, из состояния «малой смерти»:

Подобна огоньку, закутанному в дым,
Так сквозь анестезию жизнь видна,
Так появляется, так исчезает мысль моя —
Есть ступор и бороться трудно с ним.
И тошнота, и отвратительная сладость есть,
И лица странные — являются, чтоб исчезать.

Размеренный ритм текста подчеркивает состояние больного — неустойчивое, тяжелое, да и нахождение в госпитале — темная, мрачная сторона человеческой жизни. Смерть ощущается здесь отчетливее, чувство изоляции от внешнего мира нарастает, а будущее видится в черных тонах. И все же лирический герой Уильяма Эрнеста Хенли находит в себе силы хотя бы на секунду забыть о своей беде, почувствовать полноту жизни, что называется, «в моменте», преодолевая боль:

И моя душа, на миг, сквозь музыку
Вдыхает благословенную и проклятую
Атмосферу Лондона.

Алексей Юрьев знакомит нас и с балладами из цикла «Редкости». Жанр английской баллады предполагает конкретные понятия и четкие образы, повествование всегда сюжетно. Отсутствие абстрактных понятий придает стихотворениям из этого цикла эмоциональную напряженность:

Приделы храма или новые колоды карт,
Прохладный дерн и косы у наяд,
Оса поутру, море, а над ним звезда горит,
И слово чести или статуй мраморный наряд —
Я думаю о них, чтоб жить!

Это созвучно постулатам современной психотерапии. Радость жизни — навык, забытый многими. Именно в такое тяжелое время этот навык, которым еще в ушедшем столетии владел английский поэт, стоит в авральном порядке вспомнить и тренировать. Не сдаваться. Жить — вопреки всему. Алексей Юрьев подарил нам возможность заново познакомиться с поэзией Уильяма Эрнеста Хенли. Хочется верить, что русский читатель лучше узнает и по достоинству оценит творчество этого неординарного, очень интересного поэта начала двадцатого века.

Ольга ЕФИМОВА

РЕКЛАМА

ГАЗЕТА «ПОЭТОГРАД»

Печатный орган Союза писателей XXI века
и холдинговой компании «Вест-Консалтинг».

Газета учреждена в 2010 году
издателем Евгением Степановым.

Периодичность — 1 номер в месяц. 8 полос.

Газета выходит в электронном
и печатном видах.

Главный редактор — Евгений Степанов.

РЕКЛАМУ В ГАЗЕТЕ «ПОЭТОГРАД»
МОЖНО ЗАКАЗАТЬ ПО ТЕЛ.: (495) 978-62-75
МЫ ЖДЕМ ВАШИХ ЗВОНКОВ!

АТЛАНТЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Окончание. Начало на стр. 1

Как лесковский шедевр снискал всеобщее признание, так и чеховское творение принесло автору заслуженную награду: рассказ был упомянут в материалах о присуждении Чехову Пушкинской премии.

Духовно-эстетическое начало чеховского рассказа связано не с иконописью, как у Лескова, а с красотой церковной поэзии, святого слова. Но в произведениях обоих авторов явно проступают христианские идеалы Истины, Добра и Красоты. Только Христос «мог установить между истиною и красотою тот союз мира, из которого потом возникло христианское искусство»⁵.

Чеховский герой иеродиакон Николай — простой монах, который «нигде не обучался и даже видимости наружной не имел» (С5, 96), — обладал Божественным даром создавать акафисты. «Радуйся, древо светлоплодовитое, древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози!» (С5, 97), — воспевается в хвалебном гимне Богородице. Сложные, многокрасочные слова, усвоенные православной гимнографией из греческой традиции торжественной церковной риторики, выражают чувство благоговения перед святыней и в какой-то мере чувство бессилия достойно воспроизвести святой образ на человеческом языке.

В рассказе «Святою ночью» словно слышен лесковский рассказчик с его изумлением перед чудом ангельского лика: «Лик у него <...> самый светлбожественный и этаким скоропомощный»⁶. Чеховский герой также стремится передать святую красоту иконы в святой фразе — теми же многокорневыми словообразованиями, свойственными церковным песнопениям, которые, как сказано у Чехова, вмещают «много слов и мыслей» в одном слове. «Найдет же такие слова! Даст же Господь такую способность! — дивится чеховский рассказчик таланту сочинителя акафистов. — Для краткости много слов и мыслей пригонит в одно слово <...> "Светоподательна"! <...> слова такого нет ни в разговоре, ни в книгах, а ведь придумал же его, нашел в уме своем» (С5, 98).

Устами своего рассказчика — молодого послушника Иеронима — писатель развивает теорию жанра и стиля русского религиозного искусства: «Кроме плавности и велеречия <...> нужно еще, чтоб каждая строчка изукрашена была всячески, чтоб тут и цветы были, и молнии, и ветер, и солнце, и все предметы мира видимого» (С5, 98), «надо, чтоб в каждой строчечке была мягкость, ласковость, нежность <...> Так надо писать, чтоб молящийся сердцем радовался и плакал, а умом содрогался и в трепет приходил» (С5, 97).

Здесь отчетливо различима та «очарованность» — душевное свойство изумляться открывающейся взору святой красоте, молитвенная способность к тончайшему духовному и эстетическому переживанию, характерная для любимых героев Лескова — праведников, «очарованных странников». Наличествует не только слуховая, но и зрительная, живописная, как в «Запечатленном Ангеле», образность. Стиль этих художественных творений Лескова и Чехова можно определить как словесную живопись.

Оба писателя настойчиво подчеркивают, что создание такого искусства, по Лескову, — «редкого отеческого художества»⁷ — возможно только при условии высочайшей нравственности, красоты духовной самого художника, творца прекрасного, вдали от суеты и корысти.

Так, с болью видит рассказчик «Запечатленного Ангела», как цинизм и корыстолюбие, «обман и ложь бессовестные» разрушают «отеческие предания»: «Встарь благочестивые художники, принимаясь за священное художество, постились и молились и производили одинаково, что за большие деньги, что за малые, как того честь возвышенного дела требует»⁸. Но теперь «это люди не того духа»: «как черные цыгане лошадьми друг друга обманывают, так и они святыню <...> что становится за них стыдно и видишь во всем этом один грех да соблазн и вере поношение. Кто привычку к сему бесстыдству усвоил <...> даже <...> хвалятся: что-де тот-то того-то так вот Деисусом надул, а этот этого вон как Николою огрел, или каким подлым манером поддельную Владычицу еще подсунил»⁹.

В рассказе «Святою ночью» Чехов пишет, что подлинного благообразия нет и в монастыре: «народ все хороший, добрый, благочестивый, но ...Ни в ком нет мягкости, деликатности» (С5, 99), «некому вникать» в слова пасхального канона, и кроткий поэтический человек — безвестный творец акафистов — остается непонятым, ненужным даже среди монастырской братии. Он умирает под Пасху, и, согласно традиционному житийному представлению, это смерть праведника, открывающая двери в Царствие Небесное.

Также под праздник Светлого Христова Воскресения заканчивает свой земной путь герой другого пасхального рассказа Чехова — «Архиерей» (1902).

Главный герой рассказа — представитель высшего церковного духовенства, викарный архиерей. Нареченный в монашестве Петром, при крещении в младенчестве он получил имя Павел. Так в имени и судьбе архиерея соединяются имена новозаветных Апостолов Петра и Павла, вводятся мотивы апостольского служения, подвижничества, мученичества.

К ПОБЕДЕ ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ...

(115-Я ГОДОВЩИНА ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА)

Сюжетное действие разворачивается на фоне прогрессирующей болезни архиерея. Но перед самой кончиной ему ниспослано утешение, точно он скидывает с себя тяготивший земной груз, тяжкое телесное бремя и становится бесплотным, невесомым, готовым раствориться в небесных сферах, в милосердии Божиим. Преосвященный Пётр «в какой-нибудь час очень похудел, побледнел, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большие, и как будто он постарел, стал меньше ростом, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех, что все то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже более не повторится, не будет продолжаться.

"Как хорошо! — думал он. — Как хорошо!"» (3, 361).

Герой уже не ощущает себя высшим церковным иерархом, наоборот — он один «из малых сих», дитя Божье, дитя своей матери. А старуха-мать — вдова бедного сельского дьячка, которая стеснялась и робела перед высоким саном владыки, не знала, как вести себя с ним, — только теперь увидела в преосвященном Петре свое дитя — сыночка Павлушу: «она уже не помнила, что он архиерей, и целовала его, как ребенка, очень близкого, родного.

— Павлуша, голубчик, — заговорила она, — родной мой!.. Сыночек мой!.. Отчего ты такой стал? Павлуша, отвечай же мне!» (3, 361).

Любовь, жалость, сострадание острее проявляются к слабому, незначительному, беззащитному. Любовь соединяет человека с Богом и с людьми, а все остальное, в том числе служба, карьера, чины, — разъединяет, подавляет душу, приносит страдание, одиночество.

На пороге инобытия преосвященному привиделось, что он стал простым богомольцем: «он уже не мог выговорить ни слова, ничего не понимал, и представлялось ему, что он, уже простой, обыкновенный человек, идет по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а над ним широкое небо, залитое солнцем, и он свободен теперь, как птица, может идти, куда угодно!» (3, 362).

Отлетающей душе открылась истинная суть человека, который в своей земной юдоли — только путник к Богу. Герой испытал чувство необъятной свободы — той, что даруется свыше, но люди, придавленные материальными попечениями, забывают об этом даре, не умеют ценить его. И лишь душа, от Бога исшедшая и к Нему отходящая, освобожденная от гнета земных забот, способна постичь эту свободу сполна.

Событийный ряд рассказа «Архиерей» разворачивается в течение Страстной Седмицы и завершается в праздник Пасхи. Автор преднамеренно точно указывает вехи развития действия во времени и в пространстве. «Под Вербное воскресенье в Старо-Петровском монастыре шла всенощная» (3, 348) — это точка отсчета. Развязка основного действия происходит с наступлением Светлого Христова Воскресения: «А на другой день была Пасха. В городе было сорок две церкви и шесть монастырей; гулкий, радостный звон с утра до вечера стоял над городом, не умолкая, волнуя весенний воздух; птицы пели, солнце ярко светило» (3, 362).

Очевидно, что у Чехова представлено религиозно-философское понимание времени и пространства. Эти категории в рассказе «Архиерей» пасхальные, христиански сакрализованы. События Священной истории прочными духовными нитями связаны с православной верой, богохранимой землей русской.

Настоящее показано в свете минувшего и в духовной перспективе предстоящего, православного чаяния «жизни будущего века». Именно эта философия времени, определяющая христианский смысл русских пасхальных рассказов, представлена в чеховском пасхальном рассказе «Студент» (1894), которому в нынешнем году исполняется 130 лет.

Убедившись на живом примере, что новозаветные пасхальные события имеют непосредственную связь с настоящим, герой рассказа Иван Великопольский — студент духовной академии — испытал небывалую, захватившую дух радость: «и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. "Прошлое, — думал он, — связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого". И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой» (2, 511).

Действие рассказа происходит в Страстную Пятницу — трагический день распятия Христа. Подводное течение внутреннего лирико-символического сюжетного плана движется от ощущения вселенского холода и мрака, людского одиночества и отчаяния, сиротского чувства богооставленности: «казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потемки сгустились быстрее, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно» (2, 508) — к ликующей пасхальной радости, приветной молитвенной вести о Светлом Христовом Воскресении, о торжествующей победе вечной жизни с ее высоким таинственным смыслом:

«Правда и Красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы <...> невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья, овладевали им <героем. — **А. Н. — С.**> мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» (2, 511).

Здесь очень важны синергичное «сотрудничество Божественного и человеческого, благодати и свободы твари»¹⁰, сочетание Божественного отклика на свободное человеческое усилие по стяжанию благодати, ибо, как говорил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы взлетать к Богу: свобода и благодать».

Художественное время русских пасхальных рассказов не ограничено календарными рамками. Настоящее и прошлое сливаются воедино с грядущим в поистине евангельской «полноте времен», проповеданной Апостолом Павлом: «Когда пришла полнота времени, Бог послал Сына Своего (Единородного) <...>, Чтобы искупить подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4: 4–5); «В устроение полноты времен, дабы все небесное и земное соединились под главою Христом» (Еф. 1: 10).

Так, в русских пасхальных рассказах устанавливается диалогическая соотнесенность с христианским новозаветным контекстом. Праздник Пасхи является мощным импульсом, уводящим в метафизические глубины художественного текста; придает ему религиозно-философскую универсальность, позволяет обратиться к вечным вопросам бытия.

Особое эмоционально-психологическое состояние радостной просветленности, изумления перед непостижимостью Божественного Промысла, характерное для пасхального мироощущения отечественной словесности, передано у Чехова так, что «плакать хочется», «дух захватывает» (С5, 99). В произведениях русских классиков открывается необозримая духовная перспектива. Это истинное чудо, и не случайно оно является в чеховском пасхальном повествовании ключевым: «Чудо, Господи, да и только <...> Истинное чудо!» (С5, 96).

Подлинно пасхальным становится также знаменитый финал пьесы Чехова «Дядя Ваня» (1896). В словах, ставших поистине крылатыми, о «небе в алмазах» словно воспаряют на ангельских крыльях Истина, Добро и Красота — в христианских упованиях верующих душ на беспредельное милосердие Божие: «Мы отдохнем! Мы услышим Ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...»

Финал чеховской пьесы созвучен Символу Православной веры: «Верую во единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым», пасхальным его чаяниям: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь».

Алла НОВИКОВА-СТРОГАНОВА,
доктор филологических наук, профессор

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: В 14 т. — М.: АН СССР, 1937–1952. — Т. VIII. — С. 409–418.
2. Захаров В. Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. — Петрозаводск: ПётрГУ, 1994. — С. 252, 256.
3. Громов М. П. Книга о Чехове. — М.: Современник, 1989. — С. 126–127.
4. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — М.: Наука, 1974–1988. — Письма. — Т. 10. — С. 142. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с обозначением тома и страниц арабскими цифрами. Литерами С и П обозначены Сочинения и Письма.
5. Смирнов Ф. Общий богословский взгляд на историю древне-церковной иконографии. — Киев, 1879. — С. 7.
6. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 12 т. — М.: Правда, 1989. — Т. 1. — С. 400.
7. Там же. — С. 417.
8. Там же. — С. 428.
9. Там же. — С. 429.
10. Хоружий С. С. После перерыва. Пути русской философии. — СПб.: Алетейя, 1994. — С. 310.

ПОЭЗИЯ

СЕРГЕЙ АЛИХАНОВ
ЯРКИЙ СВЕТ И ПОЛУТЬМА

Сергей Алиханов — поэт. Родился в 1947 году в Тбилиси. Окончил Грузинский институт физкультуры. Стихи Сергея Алиханова печатались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Москва», «Наш современник», «Юность», в альманахах «Поэзия», «День поэзии». Автор поэтических сборников «Голубиный шум», «Долгая осень», «Лен лежит», «Блаженство бега», «Где свет мелькал на сквозняке», «Мимолетный сентябрь». Член Союза писателей России.

* * *

Гул гласных помчится во мне,
Как ветер над полем.
Не важно — внутри или вне,
Но все под контролем.

Не сразу пойдет на излом
Созвучие строчек,
Что в тексте сожмется потом
В IP-адресочек...

* * *

Яркий свет и полутьма,
А на сводку ты не сетуи.
Наша жизнь полным-полна:
И Кургуз, и Хлястик — все тут!

Вон с наклейками Эмиль,
С трехзапильными киями!
И по всем раскладам быть
Будет и пребудет с нами...

ОБРАЩЕНИЕ К АТЛАНТАМ

Профилей египетских созвездья
В небосводе каменном развесьте —
Предзнаменований и примет
Столько, но на них минуты нет!

Ниневии пробегу предместья,
В Рим попасть бы, как к себе домой!
Вы уж мне хотя бы сэсмэсьте —
Что еще такое предо мной?!

* * *

Вновь марш любимый и бодрящий,
Разгул литавр, колоколов —
Я полон жизнью настоящей
Бравурных, пламенных годов!

В мой поре восьмидесятой
Пишу для каждой стройки гимн.
Душой ли, за душу ли взятый,
Чтоб не повадно стать другим.

На Енисей в сентябрьской дымке
Гляжу с курейских берегов.
В Дудинке, на поблекшем снимке,
Все громче звук моих шагов!

* * *

Хоть закат, зацепившись за сучья, повис,
День закончился — жизнь не повторишь на бис.

* * *

Мы не зря над рукописью зябли,
Греясь шелестением страниц! —
Вдруг явился золотистый зяблик —
Самая чудесная из птиц!

Над ростками зелени порхает.
Щебетаньем, уходящим в речь,
Напрямую радость порождает,
И любовь торопится привлечь!

* * *

Возьмите на дорожку бутерброды,
И снова приходите в сентябре!
И промелькнут поляны в серебре,
И пролетят, как хлопья снега, годы.

Мой бедный друг ушел, и стал бесплотен,
И не качнулись истины весы.
Лишь жмутся в закоулках подворотен
Сны старости, бездомные, как псы.

НОВОСТИ

ЖУРНАЛ «ЗИНЗИВЕР», № 1, 2024, ПОСТУПИЛ В МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»

Журнал «Зинзивер», № 1, 2024, поступил 3.05.2024 в магазин «Фаланстер» (г. Москва, ул. Тверская, 17, вход с Малевого Гнездиновского переулка).

Не пропустите!

Пресс-служба журнала «Зинзивер»

ДНЕВНИКИ СЕРГЕЯ ЕСИНА 2017 ГОДА В «ФАЛАНСТЕРЕ»

Новая партия Дневников 2017 года легендарного писателя и ректора Литературного института **Сергея Есина** (1935–2017), выпущенных в издательстве **Евгения Степанова «Вест-Консалтинг»** уже после смерти мэтра отечественной литературы, поставлена 3.05.2024 в магазин «Фаланстер».

Перед своей кончиной Сергей Есин завещал издать свои дневники Евгению Степанову.

Не пропустите!

Пресс-служба издательства «Вест-Консалтинг»

РЕКЛАМА

книги

газеты

журналы

интернет-издания

блоги

литературный портал и магазин современной литературы и периодики

КНИЖНО-ГАЗЕТНЫЙ КИОСК

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

РЕКЛАМА

ХОЛДИНГОВАЯ КОМПАНИЯ «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

РАБОТАЕТ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ 21 ГОД.

Это широко известный в России и за рубежом вертикально интегрированный медиа-издательский холдинг. Он состоит из ООО «Вест-Консалтинг», издательского комплекса, типографии, PR и WEB-подразделений, Агентства по распространению книг, литературно-художественных журналов «Футурум АРТ» (выходит с 2000 года), «Дети Ра» (выходит с 2004 года), «Зинзивер» (выходит с 2005 года), «Другие» (выходит с 2006 года), «Зарубежные записки» (выходит с 2013 года), интернет-журнала «Персона ПЛЮС» (выходит с 2008 года), газет «Литературные известия» (выходит с 2008 года), «Поэтоград» (выходит с 2010 года), «Есенинский бульвар» (на болгарском языке, выходит с 2010 года),

телевизионной компании и интернет-телеканала «Диалог» (работает с 2012 года).

«Вест-Консалтинг» совместно с ИД «Знание-Сила» также издает альманах «Знание-Сила. Фантастика» (с 2010 года).

Компания выпускает книги (более 100 наименований в год), делает буклеты, выполняет все виды типографских работ, предоставляет широкий спектр консалтинговых, рекламных и PR услуг, создает и обслуживает WEB-сайты (создано более

1000 сайтов и WEB-страниц).

«Вест-Консалтинг» — член АСКИ (Ассоциации книгоиздателей России), трижды лауреат премии «Московский счет».

МЫ БУДЕМ РАДЫ ИЗДАТЬ И СДЕЛАТЬ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ!

Тел. (495) 971 79 25; Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ ДОСУГ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД ПО ТЕМЕ «АВТОРЫ-КЛАССИКИ»

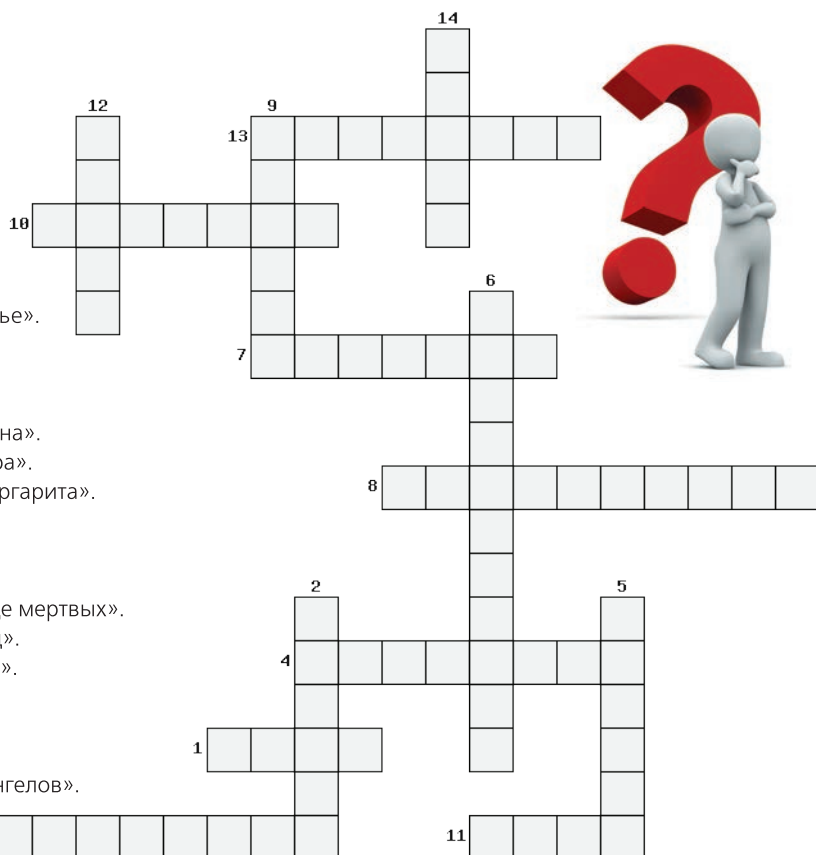
Кроссворд составила
Ольга ЕФИМОВА.

По горизонтали:

1. Автор романа «Дамское счастье».
3. Автор романа «Отцы и дети».
7. Автор романа «Час Быка».
8. Автор романа «Спартак».
10. Автор романа «Анна Каренина».
11. Автор романа «Три мушкетера».
13. Автор романа «Мастер и Маргарита».

По вертикали:

2. Автор романа-эпопеи «Солнце мертвых».
4. Автор романа «Охота на овец».
5. Автор романа «Жажда любви».
6. Автор романа «Идиот».
9. Автор романа «Джейн Эйр».
12. Автор романа «Айвенго».
14. Автор романа «Восстание ангелов».

Газета Союза писателей XXI века (www.writer21.ru),
Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com.ru)
и литературно-творческого объединения МИД России
«Отдушина»
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы: www.litiz.ru, <http://reading-hall.ru/litiz>
E-mail: stepanovev@mail.ru

Редакционный совет

Сергей Бирюков, Константин Кедров, Вера Киулина,
Владимир Масалов, Арсен Мелитонян, Евгений Степанов

Главный редактор

Евгений Степанов

Заместитель главного редактора

Фёдор Мальцев

Ответственный секретарь

Иосиф Быковский

Редактор отдела критики

Ольга Ефимова

Верстка

Ирина Ракитина

Интернет-версия

Максим Жуков

Свидетельство о регистрации

средства массовой информации ПИ № ФС77-33946 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

Издатель: издательство «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес издателя: 115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, дом 7, строение 9, этаж 7, помещение XIV, комната 12

Адрес для корреспонденции: 125375, г. Москва, Глинищевский пер., дом 6, офис 21, издательство «Вест-Консалтинг», газета «Литературные известия»

В оформлении газеты использованы материалы сайта бесплатных изображений freepik.com.

Отпечатано в типографии «Майер».

г. Санкт-Петербург, Троицкий пр., д. 6.

Заказ 2435. Общий тираж 5000 экз.

ISSN 2949-3528

9 772949 352007